

СЕРГЕЙ ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ

доктор исторических наук, профессор

“ПОСЛАНЫ ДЕРЕВЬСКА ЗЕМЛЯ”

Традиции народовластия в истории России в IX–XVII веках

Политическая заострённость проблемы рождения российской государственности и определения точной даты начала Древнерусского государства как-то на второй план отодвинула ещё один вопрос, который уже давно существует в отечественной науке. Этот вопрос связан с возникновением государственности у восточных славян. Ведь понятно, что русы пришли не на пустое место. “Повесть временных лет” свидетельствует, что варягов-русь во главе с легендарным Рюриком из Южной Прибалтики пригласили пять племён, два славянских (кривичи и ильменские словене) и три финно-угорских (чудь, весь и меря), уже объединённых в некое разноэтничное государственное образование с центром в Ладоге. Археологические исследования подтвердили летописное свидетельство и показали, что население Ладоги в древности было, в основном, славянским и финно-угорским, поэтому и было высказано предположение, что до призвания варягов именно Ладогу можно считать межплеменной столицей конфедерации славянских и финно-угорских племен¹.

Для того чтобы понять существо проблемы, необходимо разобраться в специфике собственно славянской истории и возникшего в ходе этой истории политического устройства славянских народов. Важной особенностью славян было то, что у них довольно рано кровнородственная община, в которой живут только родственники по крови, сменилась соседской (территориальной) общиной. Ещё многочисленные византийские авторы не без удивления отмечали специфику славянского общественного устройства, определённую именно соседской общиной. В соседской общине кровное родство не играло главной роли, более того, члены соседской общины могли даже происходить из разных этносов, но пользовались одинаковыми экономическими, политическими и социальными правами. Например, в славянскую соседскую общину, по общему решению жителей, могли принимать выходцев из других племён и народов. Поэтому уже в древности представители иных племён спокойно поселялись среди славян. Даже рабы, захваченные славянами в войнах, со временем имели возможность или уйти, или стать полноправными членами общины. Значимой особенностью славянской общины была общая собственность на землю – земля принадлежала общине, а не отдельной семье.

Существование территориальной общины определило многое в характере славян. Так, освоение новых земель происходило, в основном, мирным путём. Славяне не обкладывали никого данью, не устанавливали своего господства. Более того, занимая чьи-то территории, они соглашались платить дань их властителям (например, византийским императорам на Балканском полуострове).

В немалой степени соседская община повлияла и на восприимчивость славянских народов к внешнему влиянию, спокойному заимствованию чужих традиций и обычаев. В свою очередь, многие народы, жившие по соседству со славянами, постепенно ими ассимилировались: начинали говорить на славянском языке, принимали славянские обычаи. Так, в VI веке славяне в короткое время ассимилировали многочисленные фракийские племена на Балканском полуострове. В VIII–IX веках балканские славяне ассимилировали уже своих завоевателей–болгар (тюркское племя). При этом сами славяне стали именоваться болгарами.

На протяжении веков у славян сложилась собственная социально-политическая организация: отдельные общины объединялись в племена, а племена – в союзы племён. На востоке Европы центрами славянских племенных союзов были города. Территория восточнославянских союзов племён складывалась вокруг городов и обычно называлась “землёй”. Таким образом, ещё до призвания варягов возникли мощные союзы восточнославянских племён, которые занимали огромные территории, превышавшие по площади многие государства Западной Европы, – поляне-русь, древляне, ильменские словене, кривичи, полочане, северяне, вятичи, радимичи, дреговичи, дулебы, бужане, волыняне, тиверцы, уличи (угличи). Впрочем, для решения насущных вопросов, славянские союзы племён могли объединяться с иными народами, неславянского происхождения, как это произошло в Приильменье и Приладожье, где в единый союз объединились два славянских и три финно-угорских племени.

Высшей властью в каждом племенном союзе обладало вече². На вече славяне выбирали себе князей и старейшин, решали вопросы о войне и мире, устанавливали порядки в своих землях. В свою очередь, князья проживали вместе с воинской дружиной в главном городе племенной территории. В обязанности князей входило обеспечение порядка на занимаемой территории, сбор дани, а также защита своего народа от завоевателей. Население городов делилось на десятки, сотни и тысячи. Вершиной городской и племенной вечевой администрации был тысяцкий, также избираемый на вече.

Исследователи именуют социально-политическую организацию славян, построенную на принципе выборности “снизу вверх”, *земской властью*³. Но земская власть не могла простирается на обширные территории, не могла решить проблему объединения необозримых пространств восточнославянских земель. Соединить земли восточнославянских племенных союзов могла только внешняя сила, внешняя власть. Такими объединителями в IX–X веках оказались русы.

В исторической науке до сих пор продолжаются споры о том, кто такие варяги? Кто такие русы? Как соотносятся между собой варяги и русы? Как соотносятся между собой варяги, русы и славяне?⁴ Корни этих споров уходят в самую седую древность. Дело в том, что уже в самых древних исторических источниках излагаются разные версии происхождения варягов и руси, противоречащие друг другу. Уже в XI–XII веках наши предки спорили между собой, и, например, в “Повести временных лет” представлены две версии происхождения русов. Наиболее древняя из них отождествляла русов с племенем полян и выводила их, вместе с другими славянами, с верховьев Дуная, из некоего “Норика”, а легендарными предками народа называла Кия, Щека, Хорива и сестру их Лыбедь. Согласно другой, более поздней версии, русы – это варяжское племя, “призванное” на княжение в северо-западные земли, передавшее затем имя “Русь” Киевской земле при князе Олеге. Ещё одна, третья версия, представлена в “Слове о полку Игореве”, автор которого происхождение русов связывал с Северным Причерноморьем и бассейном реки Дон. Но в одном большинстве и отечественных, и зарубежных письменных источников сходятся: славяне, варяги и русы вплоть до X века были разными народами. Славяне – земледельцы, живущие соседскими общинами, сами выбирающие главу своего племенного союза. Варяги и русы – торговцы и воины, у которых была кровнородственная община со строгой иерархией, подчинением “младших” “старшим”.

В начале XVII века возникла новая версия, создателем которой стал швед П. Петрей, впервые назвавший варягов шведами. В XVIII веке эту версию развили немецкие историки, находившиеся на службе в Петербургской Академии наук, – Г. З. Байер, Г. Миллер, А. Л. Шлецер, – которые считали, что русы и варяги – это норманны (то есть германо-скандинавы), принесшие восточнославянским племенам государственность. Так возникла норманнская

теория происхождения варягов и русов (или – норманизм), существующая до сих пор. Учёным-норманистам сразу же резко возразил М. В. Ломоносов, убеждённый, что варяги и русы, пришедшие к восточным славянам, к тому времени уже сами были славянами и говорили на славянском языке. Так в исторической науке появился антинорманизм. И с тех пор в отечественной и зарубежной исторической литературе идёт постоянная, непрекращающаяся дискуссия.

В ходе этой дискуссии возникают различные концепции взаимоотношений варягов, руси и славян, в том числе и такие, которые стремятся учитывать максимально возможное число известных нам фактов, объяснять большинство существующих противоречий. Согласно одной из таких концепций⁵, разными народами изначально были не только варяги, русы и славяне, но и сами русы, ибо именем “русy” в разных концах Европы назывались племена, имевшие различное этническое происхождение (кельтское, иранское и др.). В результате взаимодействия со славянами в разных регионах Европы (в Южной Прибалтике, в Придунавье, в Приднепровье и др.) отдельные части русов так же, как и некоторая часть варингов-варягов, были ассимилированы славянами, хотя русы и варяги какое-то время ещё сохраняли собственные обычаи и общественные устои. В Восточной Европе по разным источникам известны три вида руси: *варяги-русь, русы-аланы и поляне-русь*.

В соответствии с изложенной концепцией, варяги-русь – это племя, проживавшее в Южной Прибалтике рядом с балтийскими славянами. Ещё здесь варяги-русь перешли на славянский язык, а затем во главе некоторых балтийских славянских племён переселились в район озёр Ильмень и Ладога. Обширнейший археологический, нумизматический, антропологический и лингвистический материал подтверждает самые тесные и широкие связи восточнославянского населения Северо-Запада нынешней России с южнобалтийскими славянами⁶.

Варяги-русь продвигались на восток неслучайно. Дело в том, что варяги-русь, которых в те времена считали властителями Балтийского моря, а само море именовалось Варяжским, стремились контролировать два главных торговых пути Восточной Европы, которые проходили через земли восточных славян. Первый торговый путь, действовавший в VIII–IX веках, мы сегодня называем Волго-Балтийским путём. Он связывал южные провинции Арабского халифата с народами Балтийского побережья и через них – с Западной Европой. Другой торговый путь, который действовал в X–XI веках, ещё в древности получил название пути “из варяг в греки”. По этому пути велась торговля между европейскими и прибалтийскими государствами, восточными славянами, Волжской Булгарией, Византией и Арабским халифатом. Стремясь захватить оба пути, варяги и русы из южных Балтийских земель продвигались всё дальше и дальше на восток, пока не дошли до озёр Ильмень и Ладога. Здесь они и встретились с восточнославянскими племенами, что, как уже говорилось, и положило начало Древнерусскому государству⁷.

После смерти Рюрика на северо-западе устанавливается власть других русов во главе с князем Олегом. Скорее всего, это были русы-аланы, выходцы с Дона, которые после разгрома хазарами Русского каганата на Дону переселились в Прибалтику, в область, известную по источникам под названием Роталия. Русы-аланы объединяются с варягами-русью, уходят на юг, захватывают Киев. Здесь они встретились с ещё одними русами, которые называли себя поляне-русь. Поляне-русь своей прародиной считали провинцию Норик в верховьях Дуная и в X веке уже осознавали себя славянами, хотя продолжали придерживаться неславянских обычаев. В частности, летопись свидетельствует, что у полян были неславянские похоронный и свадебный обряды, а также моногамная семья (у славян было многоженство)⁸.

По летописному преданию, именно Олег объединяет под своей властью северо-западные и южные славянские земли, объявляет подвластными ему территории единой Русской землей, а Киев – столицей своего государства. От русов, которые у славян стали князьями, славянские земли и прозвались Русской землёю или Русью. После князя Олега в первой половине X века на Киевском столе сидел сначала князь Игорь (ум. в 945 г.), а после его гибели – его вдова княгиня Ольга (ум. в 969 г.). Правда, княгиня Ольга была правительницей государства лишь до того времени, пока не достиг совершеннолетия их с Игорем сын Святослав Игоревич (ум. в 972 г.).

В позднейшей традиции все представители русской правящей династии, начиная с князя Игоря и вплоть до конца XVI века, будут считаться потомками князя Рюрика. Однако, как показывают современные исследования, Игорь, скорее всего, не был сыном Рюрика, и летописцы связали их узами кровного родства искусственно, чтобы создать впечатление преемственности власти⁹. Более того, Игорь, как и Олег, скорее всего, происходил вообще из другого, нежели Рюрик, племени русов-аланов. Сама легенда о призвании варягов стала известна в Киеве на рубеже XI–XII веков, а до того киевские князья ничего не знали о легендарном предке по имени Рюрик. Этого имени не было в княжеском именовании X–XI веков, и только в конце XI века Рюриком назовут одного из новорождённых правнуков Владимира Мономаха, то есть именно тогда, когда киевский княжеский род примет версию своего происхождения от легендарного Рюрика¹⁰.

* * *

Как строилось Древнерусское государство? На основе различных источников и литературы можно реконструировать принципы, на которых функционировало Древнерусское государство, то есть предложить некоторую интерпретацию общественно-политической реальности X века.

Скорее всего, именно при Олеге русы разного этнического происхождения объединились в “род русский”¹¹, и с этого времени “род русский” занял господствующее положение в Древнерусском государстве. И сразу же на первый план вышли *этнополитические противоречия*, ведь славянские племена и представители “рода русского” придерживались разных традиций организации общества и власти. Стоит напомнить, что принципы общественной организации народов с кровнородственной общиной (а у русов разного происхождения была именно кровнородственная община) заметно отличаются от принципов организации общества у народов, где господствует соседская (территориальная) община. Так, в племени, состоящем из кровнородственных общин, существовала строгая иерархия родов – от правящих до совсем незнатных. Даже самый талантливый выходец из незнатного рода не мог стать во главе племени. Чужеземцы в такую общину попадали только в качестве рабов и не имели возможности освободиться или как-то изменить свой статус. Примечательно, что у племён с кровнородственной общиной обязательно присутствует своеобразный культ генеалогии – память о предках как племени, так и отдельного рода. Иногда имена предков помнились на протяжении десяти-двенадцати поколений, а в легендарных преданиях эти имена хранились столетиями.

Думается, “род русский” привнёс в общественно-политическую жизнь славянских племён иерархический принцип управления “сверху вниз”, основанный на традициях кровнородственной общины. Причём воинственные русы сразу же стали насаждать свои принципы общественного устройства силой. К примеру, нам неизвестно, чтобы восточнославянские союзы племён воевали друг с другом. Зато князья из “рода русского” – Олег, Игорь, – едва укрепились в Киеве, как сразу же начали военные действия против древлян, северян, радимичей, уличей и тиверцев, чтобы обложить их данью.

Впрочем, князьям из “рода русского” пришлось приспособиться к устоявшимся у русов принципам общественно-политического устройства к славянским традициям общественного управления, где главную роль играло вече. Поэтому поначалу Древнерусское государство представляло собой довольно таки рыхлое объединение различных славянских земель-княжений, общим главой которых считался киевский князь, выходец из “рода русского”. При этом каждая славянская земля-княжение объединяла территории (или земли) нескольких славянских племён, во главе таких земель стояли свои, местные князья, избираемые на вече (свои князья были у древлян, кривичей, радимичей и др.). В свою очередь, киевский князь, помимо того, что считался главой всей Киевской Руси, владел и собственным княжеством, а именно территорией племени полян-руси с центром в Киеве.

Между киевским князем и славянскими землями-княжениями существовал своеобразный устный договор. Киевский князь имел право собирать дань в славянских землях (“полюдь”), возглавлял общие воинские походы

в чужие края и был обязан обеспечивать защиту подвластных ему земель. Местные князья, со своей стороны, должны были обеспечить сбор дани и участие племенных ополчений в общих воинских походах.

Власть киевского князя из “рода русского” была сильно ограничена. Внутри самого “рода русского” большое влияние на князя оказывали знать и воинская дружина: именно по совету со знатью и дружинниками киевские князья принимали самые важные решения. Однако полного единства в “роде русском” не существовало. Так, договор руси с греками, заключённый после похода Игоря на Византию, свидетельствует, что каждая знатная русская семья имела собственную долю в общерусских доходах. Более того, даже ближайшие родственники киевского князя (жена Ольга, сын Святослав, племянник Игорь) были представлены на переговорах с греками собственными послами и получали свою долю дохода, то есть киевский князь не распоряжался и в собственной семье¹². Из этого следует, что князь Игорь лично не мог представлять интересов не только всей Русской земли, но и всего “рода русского”, а являлся главой своеобразного княжеского и боярского союза.

Известно также, что наиболее знатные русы имели собственную дружину, сохраняли право собирать полюдь на отведённых им территориях и оказывали самое серьёзное влияние на жизнь русского общества. В частности, именно такой влиятельнейшей персоной в середине X века выступает воевода Свенельд, чья дружина была мощнее княжеской, а дружинники богаче, чем воины Игоря. Именно Свенельд стоял у истоков некоторых конфликтов в княжеской семье¹³.

Ещё сложнее были взаимоотношения киевских князей со славянскими землями-княжениями. Славянские племена соглашались платить дань “роду русскому”, защищавшему их от внешнего врага, однако идти в полное подчинение киевским князьям не хотели, а если и шли, то с большим трудом и только по какой-то крайней необходимости. Более того, опираясь на свои вечевые традиции, славянские земли-княжения периодически выходили из-под власти киевских князей. Так, после смерти князя Олега от Киева отделились древляне, и Игорю пришлось их завоевывать заново. А вятичи вообще долгое время не входили в состав Киевской Руси, оставаясь независимыми. Таким образом, власть киевских князей из “рода русского” в X веке была ограничена не только собственной воинской дружиной, но и славянским земским самоуправлением.

Трудности совмещения двух общественно-политических укладов демонстрируют события 945 года¹⁴, под которым “Повесть временных лет” помещает рассказ о разыгравшейся войне между древлянами и киевскими русами. Началось всё с того, что именно дружинники Игоря потребовали от князя пойти за данью на древлян. При этом дружинники указывали на воеводу Игоря Свенельда, который смог обеспечить богатое содержание собственной дружины, а вот Игоревы дружинники пребывают в бедности. Послушавшись дружинников, Игорь отправляется к древлянам и силой берёт с них двойную дань. Однако этого Игорю показалось мало, и он с небольшим отрядом вернулся к древлянам за новой данью. Возмущённые древляне убили Игоря и его “малую дружину”.

Этот рассказ показывает, с одной стороны, специфику отношений внутри “рода русского” (зависимость киевского князя от дружины и знати), а с другой стороны, характеризует отношения между киевским князем и подчинёнными ему славянскими племенами, в данном случае, с древлянами. Как можно заметить, отношения эти ограничивались сбором “полюдь”. Но славяне сохраняли за собой право на вооружённое сопротивление, если размеры дани превышали разумные пределы. Важен ещё один момент: единство Киевского государства обеспечивает только личность князя. Поэтому, убив Игоря, древляне решили, что теперь они свободны от обязательств перед Киевской династией. Более того, древляне стали претендовать на Киевский стол: они потребовали, чтобы княгиня Ольга вышла замуж за древлянского князя Мала.

В данном случае “Повесть временных лет” свидетельствует, что **субъектом политического действия у древлян выступает именно вече**: инициативу взять княгиню Ольгу замуж за князя Мала проявляет вовсе не сам князь, а древлянское вече, иначе говоря, это решение всего племенного союза: «Ркоша же деревляне: “Се князя русаго убихомъ, поимемъ жену его Олгу за князь свой Маль и Святослава, и створимъ ему, якоже хоцемъ”». Именно

древлянское вече отправляет в Киев послов, а послы подчёркивают в разговоре с Ольгой собственный статус представителей всего племенного союза: «И ркоша деревляни: “Посла ны Деревьская земля”». В этом же разговоре послы, сравнивая древлянских князей и князя Игоря, который вёл себя, “яко волкъ”, занимаясь грабежом собственных подданных, раскрывают суть славянского идеала правителя: древлянские князья *берегут и спасают родную землю* (“наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьскую землю”)¹⁵. Следовательно, в славянских землях-княжениях сохраняются и собственные князья, и собственное самоуправление – все главные вопросы решаются на вече, которое избирает и князей, и других “лучших людей”. Но характерно, что конфликт с русами древляне, в соответствии со славянскими традициями, попытались разрешить мирным путём – послали к Ольге своих послов.

Дальнейшее хорошо известно по “Повести временных лет”: Ольга несколько раз жестоко отомстила древлянам. Столь жёсткое поведение Ольги показывает методы разрешения конфликтов, характерные для русов: они придерживались правила “кровной мести”, причём мстили быстро и жестоко, в корне подавляя любое возможное сопротивление. Даже эти разные способы разрешения конфликтов у славян и “рода русского” свидетельствуют, что у русов и славян сохранялись различные традиции, имеющие истоком разное этническое происхождение и разные формы организации общества.

Правда, мудрая княгиня Ольга извлекла урок из смерти мужа. Поэтому сразу же провела налоговую реформу, впервые упорядочив сбор дани в своём государстве. Вместо того чтобы выезжать на полюдье, Ольга организовала пункты для сбора дани – погосты, на которые окрестные жители свозили дань. Кроме того, княгиня Ольга установила “уроки” – порядок сбора дани и её размеры. А это означало, что киевские князья не могли собирать дань больше установленных размеров. И, как сообщает летопись, славянские племена, увидев мудрое и справедливое решение княгини Ольги, более не противились киевской правительнице.

Но киевские князья иногда сами способствовали разделению собственных владений. Так, в 970 году, перед походом в Дунайскую Болгарию, Святослав разделил всю Русскую землю между сыновьями: Ярополку достался Киев, Олегу – Древлянская земля, а Владимиру – Новгород. Это разделение княжества на уделы проводилось явно по *этногосударственному принципу* – по границам уже существовавших племенных союзов полян-руси, древлян и ильменских словен. Как видно из самого факта разделения, эти племенные союзы сохраняли определённую самостоятельность и во времена правления Святослава. И после 970 года на месте относительно единого государства фактически возникли три княжества во главе с тремя сыновьями Святослава.

Но всё же, несмотря на существовавшие этнополитические противоречия, в X веке русы довольно быстро ассимилировались славянами и, как следствие, утрачивали свои традиции, всё больше и больше принимая славянские правила общественного устройства. Так, если у князя Игоря была только одна жена, то Святослав Игоревич и Владимир Святославич уже имели по несколько жен. Если поначалу русские князья носили неславянские имена (Рюрик, Олег, Игорь, Ольга), то, начиная с князя Святослава Игоревича, имена киевских князей становятся славянскими. Происходит ассимиляция и других русов, о чём наглядно повествуют договоры руси с греками. К примеру, в договоре князя Олега (911 или 912 года) речь идёт только о русах и ни словом не упоминаются славянские вожди. Причём сами русы предстают разноэтничным конгломератом, о чём свидетельствуют имена послов “от рода русского”: *Веремуд (Вельмуд), Фарлоф, Рулав, Стемид, Фрелав, Актеву, Гуды, Труар и др.* Эти имена в большинстве своём могут быть объяснены, главным образом, из кельтских, иллирийских, иранских, фризских и финских языков. Но характерно, что этот договор (как, впрочем, и более поздний договор Игоря) записан по-славянски, что говорит о славяноязычии княжеских дружин Олега и Игоря. Интересно также, что у русов преобладают кровнородственные отношения – наследство без завещания передаётся только ближайшим младшим родственникам, а основные занятия русов – воинское дело и торговля. При этом русы вели активную работорговлю и имели личных рабов – “челядинов”, что не характерно для славян. И ещё одна особенность: все русы в договоре Олега – язычники (клянутся своим оружием, именами Перуна

и Велеса). Они так и противопоставляются грекам, как “русские” – “христианам”¹⁶. В договоре князя Игоря (944 года) среди имён послов от Киевской Руси, заключавших договор с греками, помимо кельтских, фракийских, иранских, эстонских имён, появляются и славянские имена – *Воико, Володислав, Предслава, Синко*. Этот факт может свидетельствовать о двух параллельных процессах. С одной стороны, продолжалась славянизация дружинников из “рода русского” (кстати, русские послы даже именуется на славянский манер, когда к их именам приставляются имена их сюзеренов со славянскими окончаниями “-ов” или “-ин”: *Либиарь Фастов, Мутор Утин, Каницарь Предславин* и др). С другой стороны, сами славяне появляются в составе правящей элиты Древнерусского государства. И ещё одно новое явление, которое зафиксировал этот договор, – *среди русов появились христиане*. Причём летописец подчёркивает: “Мнози бо беша варязи хрестьяне” (“Много было христиан среди варягов”). При этом в составе русов оставалось и много язычников. Впрочем, против греков и русы-христиане, и русы-язычники выступали совместно, и никаких противоречий на религиозной почве внутри “рода русского” не было. Единственное различие – русы-христиане приносили клятву именем христианского Бога, а русы-язычники клялись своим богом Перуном и своим же оружием¹⁷. Как видно, постепенно *этнополитические противоречия между славянами и “родом русским” сошли на нет*, русы окончательно стали считать себя славянами, но подарили славянам своё имя – русские.

На “притирку” различных принципов организации власти у племён, населяющих Киевскую Русь, потребовалось почти полтора столетия – с конца IX до начала XI века. А первые реальные попытки упорядочить государственные отношения и ввести некие единые правила государственного устройства были предприняты лишь в конце X века князем *Владимиром Святославичем* (правил в 978–1015 годах).

Уже в самом начале своего правления Владимир безжалостно уничтожил всех возможных конкурентов, в том числе и собственного брата Ярополка. Но особый исследовательский интерес представляет летописный сюжет, рассказывающий о взятии Владимиром в 978 году Полоцка – племенного центра кривичей. Здесь, в Полоцке, Владимир взял в жены Рогнеду, дочь полоцкого князя Рогволода. В этом случае интересно сообщение именно о Рогволоде. “Повесть временных лет” свидетельствует: “Бе бо Рогволодь перешель изъ заморья, имяше волость свою Полотьскъ, а Турь Турове, от него же и туровци прозвашася”¹⁸. Следовательно, в Полоцке и, возможно, в Турове в этот период существовали собственные княжеские династии, не имеющие отношения к династии киевских князей и не подчиняющиеся Киеву. Имя князя – Рогволод – это, может быть, славянизированное имя-титул, в котором слышится: “владеющий рогами” (впрочем, здесь заметен и кельтический элемент “олд” – “великий”). Поэтому можно предположить, что династия Рогволода пришла в Полоцк из земель каких-то прибалтийских ругов-русов.

Интересно, что сообщение “Повести временных лет” в данном случае перекликается с преданием, записанным в Туровской земле. Согласно этому преданию, название одного из городищ Туровской земли, так называемого “Давыд-городка”, связано с неким ятвяжским князем Давыдом, основавшим и Туров. Иначе говоря, туровское предание тоже сообщает о существовании отдельной династии, пришедшей из Прибалтики (ятвяги – это балтское племя). А в устюжской летописной традиции, независимой от киевской, Рогволод и Туры считались братьями. Устюжская летопись приводит ещё одно свидетельство о переговорах между Рогволодом и Владимиром: “Бе бо Рогволод посла брата своего Тарайша ко Владимиру”. В имени “Тарайша” нетрудно увидеть искажение имени всё того же Туры¹⁹. Таким образом, покончив с Рогволодом, Владимир фактически уничтожил единственную на тот момент княжескую династию, которая так или иначе могла составить конкуренцию ему и его будущим потомкам борьбе за власть в Русской земле.

Став единоличным правителем, Владимир Святославич сумел усилить собственную княжескую власть. Так, он изъял управление славянскими землями-княжениями из рук местных князей и передал его своим “посадникам” (то есть наместникам, которых “посадили” в славянских землях) – это были сыновья Владимира или его наиболее доверенные лица. Большое значение для укрепления власти киевского князя имела религиозная реформа. Поначалу Владимир попытался установить единый языческий культ во главе с богом

Перуном, но из этого ничего не получилось. Тогда в конце X века Владимир Святославич ввёл на Руси как государственную религию христианство, и Древнерусское государство стало христианской державой. Учреждение христианства сыграло значительную роль в окончательном преодолении этнополитических противоречий в Киевской Руси.

“Повесть временных лет” рассказывает о принципах управления государством при Владимире Святославиче в конце X века²⁰. О внутри- и внешнеполитических делах князь советовался со своей дружиной, с боярами, с христианскими епископами, а также с представителями земского самоуправления, киевского вече – “старцами градскими”, “десятскими” и “сотскими”. Таким образом, в Киевской Руси произошло слияние различных общественно-политических традиций: властная иерархия русских князей сочеталась с древними славянскими вечевыми обычаями.

* * *

Мощные традиции земского самоуправления стали одной из причин того, что, несмотря на усиление власти князя Владимира Святославича в конце X века, каждая земля в составе Древнерусского государства на протяжении XI–XIII веков продолжала жить своей жизнью. Направлявшиеся по славянским землям сыновья Владимира либо входили в противоречие с местным самоуправлением, либо, пытаясь опереться на него и взаимодействовать с ним, вступали в конфликты с Киевом и княжившим там отцом (наиболее яркие примеры: конфликты с Владимиром его сыновей Святополка и Ярослава). В итоге, после смерти Владимира Древнерусское государство вновь распалось, а его сыновья схлестнулись в жестокой борьбе за отцовское наследство. Победителем в этой войне вышел князь Ярослав Владимирович (ум. 1054 году), в годы правления которого единство Древнерусского государства опять укрепилось. Однако через некоторое время после его кончины, во второй половине XI века уже сыновья Ярослава, а затем его многочисленные внуки и племянники сошлись в усобицах, и в 30-е годы XII века некогда единое Древнерусское государство окончательно распалось. Начался период, который принято называть “удельным”, или периодом “политической раздробленности”.

Одна из причин политической раздробленности лежит на поверхности – *династические противоречия между князьями из рода Рюриковичей, их борьба за Киевский стол и за свои отчины*. С начала XII века эту борьбу вели две основные княжеские группировки – *Мономаховичи* (потомки киевского князя Владимира Всеволодовича Мономаха) и *Ольговичи* (потомки черниговского князя Олега Святославича). Впрочем, некоторые князья из рода Мономаховичей враждовали между собой и потому заключали союзы с Ольговичами в борьбе против родных и двоюродных братьев, дядьёв и даже собственных сыновей или отцов. Самый яркий тому пример – многолетняя война между сыном Владимира Мономаха Суздальским князем Юрием Владимировичем Долгоруким и его племянником, Киевским князем Изяславом Мстиславичем, сыном Мстислава Владимировича Великого. Помимо личного соперничества, в данном случае столкнулись два разных понимания, две разные модели принципа наследования уже в роду Мономаховичей. Так, Юрий Долгорукий был старшим среди потомков Мономаха и потому претендовал на Киевский стол *по праву старейшества*. В свою очередь, Изяслав Мстиславич, опираясь на принцип “каждый держит отчиной свою”, считал Киев своей *отчиной* (стольным городом владел его дед, потом отец – Мстислав Владимирович) и стремился закрепить права на Киев в роду потомков лишь одной ветви Мономаховичей – Мстиславичей. Надо сказать, что Мстиславичам так и не удалось воплотить в жизнь свою мечту: большинство князей продолжали воспринимать Киев общим владением Рюриковичей, а некоторые (например, Андрей Юрьевич Боголюбский) вообще перестали считать Киев общерусской столицей, стремясь поднять значение собственных княжеских центров.

В целом, вражда князей-родственников в XI–XIII веках – одна из драматических страниц отечественной истории. Здесь, помимо политических и иных противоречий, мы встречаемся с серьёзным противоречием нравственного характера: русские князья, исповедовавшие христианскую веру, казалось, должны были стремиться стать воплощением христианского смирения

и терпения, но они, наоборот, вели непримиримые и жестокие войны за власть. Причиной тому были не только внешние, но и внутренние, нравственные обстоятельства – большинство русских князей, поддавшись искусу властолюбия и гордыни, забыли о христианских нравственных заповедях. Лишь немногие из русских князей сумели преодолеть собственную страстную натуру и показать пример истинного христианского поведения.

Ещё одна причина распада относительно единого Древнерусского государства лежит глубже и заключается в *росте экономического и политического могущества городов как центров славянских земель-княжеств*²¹. Как известно, сформировавшееся на базе восточнославянских племён Древнерусское государство было цивилизацией преимущественно городской. Известно, что в X веке в летописях упоминается 24 города, в XI веке – 88 городов. В XII столетии на Руси было построено 119 новых городов, а за первую треть XII века – ещё 32 города. В целом же, к XIII века на Руси было уже более 300 городов и ещё большее число укрепленных поселений. А археологические раскопки свидетельствуют: до ордынского ига на Руси было до полутора тысяч городов и городищ²². При этом значительная часть древнерусских городов была коллективной собственностью городских жителей (“города-корпорации”), которые самостоятельно принимали политические решения на вече, то есть городских собраниях. Уже в XII веке города как корпорации их жителей заявляли свои права как правящим в них князьям, так и друг другу. Городское самоуправление, по сути, возвысилось над княжескими притязаниями, и воля горожан нередко преобладала над династическими претензиями князей. Поэтому между собой начинают конфликтовать не только князья, но и “земли”, нередко совсем не считаясь собственно с княжескими династическими притязаниями.

И третья причина распада Древнерусского государства – *противоречия между князьями и структурами земского самоуправления*. Утратив этническую окраску, противоречия между правящим родом и земским самоуправлением сохранялись. Практически во всех городах “земская власть” проявляет волю в выборе себе князей, поэтому летописи наполнены рассказами о том, как горожане из разных русских земель (киевляне, новгородцы, галичане и др.) постоянно то приглашали, то изгоняли князей, поддерживали то одного, то другого князя, а нанятые той или иной “землёй” князья обязываются защищать и обеспечивать интересы этой “земли”. Именно городские вече как выразители воли городских общин становятся важными участниками всех политических процессов: на вече выбирались, принимались или изгонялись князья, избирались старейшины и “лучшие люди” (“десятские” и “сотские”) как предстатели и управители городскими общинами.

Источники неоднократно упоминают о том, как князья выстраивали отношения с местными городскими общинами, в том числе и о конфликтах жителей разных городов и земель с князьями. Позднее, на протяжении всего времени существования Древней Руси в X–XIII веках вече действовали во всех городах Руси, постоянно взаимодействуя с княжеской властью, которая оказывалась ограниченной как волей горожан, выражаемой на вече, так и волей местной знати – боярства. Так возникли **три главные политические силы** Древнерусского государства: *княжеская власть, боярство и вече как орган земского (городского) самоуправления* (четвёртой, общерусской, политической силой была Церковь). Борьба городских вече за самостоятельность своих городов и земель была одной из причин наступившей в начале XII века политической раздробленности русских земель.

Различные условия существования разных русских земель определили разнообразные формы взаимодействия всех этих трёх ветвей власти. В южных регионах, где было много богатых крупных городов с сильными городскими общинами (Киев, Переяслав, Чернигов и др.), вече играли заметную роль, однако постоянные войны с соседями-кочевниками заставляли вече мириться с достаточно сильной княжеской властью, осуществлявшей функцию защиты этих земель. Источники неоднократно упоминают о том, как князья выстраивали отношения с местными городскими общинами, в том числе и о конфликтах жителей разных городов и земель с князьями. Обычно под жителями городов летописцы подразумевали как раз городское или племенное вече. Например, киевское вече в “Повести временных лет” фигурирует под собирательным именем “кыяне”, “кияне” (то есть киевляне). Киевские князья довольно часто обращались за поддержкой киевского самоуправления. С “кыянами” советуется

княгиня Ольга в 945 году во время конфликта с древлянами. Но случались и конфликтные ситуации: в 968 году, когда Киев осадили печенеги, “кияне” направили князю Святославу, в то время воевавшему с Византийской империей, резкое требование вернуться в Киев и защищать свою землю: “Ты, княже, чужей земли ищешь и блюдешь, а своя ся лишивъ... Аще ти не жаль отчины своя?...” (“Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою потеряешь... Неужели не жаль тебе своей отчины?..”). Киевляне как субъект общинного самоуправления появляются в летописи и позднее, в XI–XII веках. Именно киевское вече поддержало вокняжение Святополка в 1015 году. В 1068 году киевляне сами выпустили из темницы и возвели на престол Всеслава Полоцкого (даже не киевского князя!), а потом, когда Всеслав сбежал в родной Полоцк, вновь позвали князя Изяслава Ярославича. В 1113 году киевское вече призвало на княжение в Киев Владимира Мономаха²³. Заметную, а часто и решающую роль киевское вече играло во времена политической раздробленности, призывая или изгоняя князей, а в 1147 году возмущённые киевляне, стремясь поддержать князя Изяслава Мстиславича, даже убили одного из его соперников князя Игоря Ольговича, хотя братья Изяслава пытались спасти несчастного Игоря, к тому же принявшего уже монашеский постриг²⁴.

На северо-западе, в Новгороде Великом и Пскове, где не было серьёзной внешнеполитической опасности, наоборот, наоборот, намного сильнее княжеской оказалась власть вече и местного боярства. На славянских принципах сложилась и властная иерархия Северо-Западной Руси. Причём в научной литературе неоднократно отмечались факты близости общественно-политической системы Северо-Западной Руси со славянским Южным берегом Балтики. Центральное место в этой системе принадлежало общегородскому вече, основу которого составляли, в свою очередь, “кончанские” вече, то есть вече разных концов города. Необходимо отметить, что в этом случае перед нами выстраивание чисто славянской системы управления по принципу “снизу вверх” (выборность всех органов управления). А. Г. Кузьмин отмечает, что именно эта система победила по всему Волго-Балтийскому пути, хотя на этом пути были представители и других народов, и иных систем²⁵. И что удивительно: по всему Волго-Балтийскому пути не видно зримых следов межэтнических конфликтов, а ассимиляция местного населения проходила в течение жизни нескольких поколений.

На славянских принципах сложилась и властная иерархия Северо-Западной Руси. Но это была иерархия не личностей, а территориальных общин. Так, Псков считался “пригородом” Новгорода (хотя фактически был самостоятелен). Кстати, мощные и глубокие традиции славянского самоуправления, вполне возможно, стали одной из причин, по которой в конце IX века князю Олегу пришлось уйти из Новгорода. По “Повести временных лет”, Олег получил власть в Новгороде в 879 году, а уже через три года, в 882-м отправился в Киев, который и объявил столицей своего государства. Видимо, “род русский” не смог закрепиться в северо-западных славянских землях и навязать населению этих земель свои традиции управления. И, как известно, единоличная княжеская власть в Новгороде так и не утвердилось.

На северо-востоке (Владимир, Суздаль, Ростов) княжеская власть обладала большей свободой и силой, но по той причине, что большинство городов в этой лесной, малоосвоенной части Руси были основаны князьями или боярами, городские общины довольно долго зависели от княжеской или боярской милости. Впрочем, городские общины “старейших” Суздали и Ростова на северо-востоке тоже предъявляли свои претензии “молодшим” владимирцам в том, что те не по праву “задирают нос”. Наконец, в юго-западных землях (Галич, Волынь) особенно сильным было местное боярство, и здесь вече выступало союзником княжеской власти в борьбе с боярством. Иначе говоря, механизмы вечевого власти были очень разнообразны и не похожи друг на друга.

К сожалению, мы не знаем всех особенностей вечевого устройства русских городских общин X–XIII веков – слишком мало источников сохранилось. Кроме того, права и обязанности городских вече не были зафиксированы в письменных памятниках, и, скорее всего, вече действовали на основе обычного права. Даже для обозначения вечевого органов самоуправления в летописях и других документах используются самые общие термины: в древности – это названия союзов племён (например, “древляне”), позже – именование жителей городов. И даже наиболее известное сегодня нам новгородское вече –

это ещё огромная загадка. Мы не можем сказать ничего определённого о социальном составе новгородского вече (все ли жители участвовали или выборные лица от районов, или только бояре?). Нет у нас точных знаний о взаимоотношениях вече и боярства. Мы даже не знаем точно, где могло собираться вече в Новгороде Великом. Нам далеко не полно известны механизмы принятия решений на вече.

Несомненно одно: народовластные черты были присущи русскому народу испокон веков; соответственно, идеи народовластия прочно вошли в русское сознание и воспринимались как естественное право всех единым целым принимать одинаково обязательные для всех решения. При этом существовала возможность выразить своё мнение, и, хотя оно не всегда могло повлиять на окончательное решение, наказуемо не было. Князь же выступал гарантом этих решений и судьёй по спорным вопросам.

Русские князья на протяжении X–XIII веков постоянно взаимодействовали с городскими вече: боролись с ним, сотрудничали, напрямую зависели от него. Первый, кому удалось преодолеть силу вечевого устройства, – князь *Андрей Юрьевич Боголюбский* (XII век), но для этого ему пришлось перенести центр своего княжества из “старейшей” Суздала в “молодший” Владимир, где вечевые традиции были самыми слабыми на северо-востоке Руси. В результате к концу жизни Андрей Боголюбский стал обладать столь значительной полнотой власти, что его уже именовали “великим князем” и даже “царём”²⁶. Столь же значительных результатов в укреплении собственной власти несколько позже достиг в Юго-Западной Руси князь *Роман Мстиславич* (1155–1205), недаром его единственного из всех древнерусских правителей впервые стали именовать “самодержцем”²⁷.

* * *

Во второй половине XIII – начале XIV века, то есть в годы ордынского владычества, во многих русских городах произошло постепенное затухание *традиционной вечевой (земской) системы самоуправления, особенно на северо-востоке Руси*: ордынские ханы не хотели иметь дела со своевольными горожанами, им было достаточно княжеской покорности. Нужно отметить, что во второй половине XIII века именно городские структуры самоуправления выступали главными инициаторами борьбы с монгольским насилием, больше того, городские вече заставляли и князей подниматься на борьбу с врагом, даже если сами князья не хотели этого делать или же понимали всю бессмысленность вооружённого сопротивления Орде. Об этом ярко свидетельствуют городские восстания, произошедшие в 1257 и 1259 годах в Новгороде, в 1262 году в Суздале, Владимире, Ростове и Ярославле и в 1289 году – опять в Ростове. Во всех этих случаях горожане, привыкшие к традиционной вольной жизни и не желающие выплачивать непомерную ордынскую дань, выгоняли монгольских баскаков из городов и требовали восстановления традиционных отношений с властью, когда власть уважительно относится к своим подданным и к мнению городского самоуправления²⁸. Но монголы не собирались соблюдать русские вечевые традиции. Русские князья это понимали, поэтому сами подавляли сопротивление горожан, во-первых, чтобы не допустить новых грабительских набегов ордынцев, и, во-вторых, чтобы усилить собственную власть. В итоге борьба горожан северо-восточной Руси за свои права постепенно сходит на нет, и летописи более не сообщают о каких-то городских выступлениях против ордынского насилия вплоть до 1328 года, когда произошло восстание в Твери.

Со второй половины XIV века вся деятельность московских великих князей, ставших политическими лидерами русского Северо-Востока, была подчинена двум задачам: освобождению от “ордынского плена” и объединению русских земель под своей властью. Для этого требовалась максимальная концентрация материальных, духовных, людских и властных ресурсов. Одним из следствий этого стало заметное усиление власти московских государей, что привело к постепенному формированию так называемого “самодержавия” как специфической формы политического устройства Русского государства. К примеру, в самой Москве ещё в 70-е годы XIV века, судя по всему, было покончено со структурами традиционного земского самоуправления: в 1374 году

умер последний московский тысяцкий В. В. Вельяминов, и в источниках более не встречается упоминание этой должности в Москве²⁹.

Однако московские государи вполне мирно сотрудничали с земским самоуправлением в других городах, особенно в тех случаях, когда это было выгодно для укрепления общего политического курса на “собрание земель”. Так, в 1483–1486 годах в псковских землях разразилась “смердья брань” – восстание сельских жителей против псковского боярства. Примечательно была в этом случае политика московского князя: Иван III Васильевич поддержал смердов против “Господина Пскова” и заставил правителей города принять требования смердов. В тот раз Псков сохранил политическую самостоятельность, но влияние Москвы в псковских землях заметно возросло. А. Г. Кузьмин, обративший внимание на этот эпизод, заключает: “Принципиальное значение позиция Москвы имела и для понимания способов укрепления единства земли, и условий возникновения наивного крестьянского монархизма – веры, что высшая справедливость воплощается в личности государя”³⁰.

Впрочем, в иных случаях московские государи не боялись идти на открытый конфликт, как это произошло в отношениях Московского великого княжества и Великого Новгорода. Дело в том, что московско-новгородский конфликт, разразившийся во второй половине XV века, помимо прочих составляющих, был открытым конфликтом двух моделей государственно-политического устройства: формирующегося самодержавия и традиционного вечевого строя.

Нужно иметь в виду, что вечевые структуры в Великом Новгороде, активно развиваясь в XII–XV веках, ко второй половине XV века достигли, наверное, своего “потолка”. Как свидетельствуют источники, новгородцы, в полном соответствии с традиционным славянским стремлением удовлетворять интересы максимального числа участников политических процессов, значительно умножили число органов и представителей земского самоуправления, заметно сократив при этом полномочия приглашаемых в Новгород князей³¹. Уже к концу XIII века новгородцы заметно развили традиционную для вечевого строя систему “сдержек и противовесов”: во-первых, были ограничены судебные функции князя, но создавался отдельный “торговый суд” тысяцкого как главы купеческого и ремесленного населения и отдельный епископский суд; во-вторых, для ограничения власти архиепископа как главы Новгородской епархии была учреждена должность архимандрита, которому передавалось руководство новгородскими монастырями; в-третьих, должности посадника, тысяцкого и архимандрита стали выборными.

В 1350 году последовала новая реформа, которая должна была предотвратить борьбу различных боярских родов и новгородских “концов” (городских районов): стали выбирать шесть посадников, от каждого “конца” по одному, а от Неревского, самого большого, – двух посадников. Из этих шести ежегодно избирался один главный посадник – степенной. В конце 1420-х годов вновь последовало реформирование вечевых структур города: от пяти “концов” стали выбираться 18 посадников, 5 тысяцких и 5 игуменов (игумены подчинялись ещё и архимандриту). Около 1424 года выбирались уже 24 посадника, а в 1463 году стало 36 посадников и 7 тысяцких. Таким образом, как отмечает В. Л. Янин, “практически каждая боярская семья Новгорода оказалась причастной к власти”, при этом “представители этих семейств не только могли быть избранными на должность посадника или тысяцкого, но практически владели этими должностями”³². Новгородская система “сдержек и противовесов”, с одной стороны, неимоверно усложнилась, а с другой стороны, привела к тому, что доверие новгородцев к боярской власти оказалось существенно подорвано, недаром под 1446 годом новгородский летописец записал: “Не стало в Новгороде правды и справедливого суда”³³. Фактически ко второй половине XV века соперничающие боярские группировки “рвали” город в разные стороны: одни – к Литве, другие – к Москве, а традиционное новгородское вечевое самоуправление оказалось в серьёзнейшем кризисе. В итоге именно этот фактор стал решающим в победе Москвы над Новгородом и в победе формирующегося московского самодержавия над новгородским вечевым строем.

Но здесь исследователи встречаются с одним парадоксом. Обычно московское самодержавие XV–XVI веков трактуется как неограниченная и деспотическая форма правления, однако в организации внутривнутриполитической жизни русского общества самодержавие оказывается не таким уж “деспотичным”

и “тираническим”. Ведь именно московское самодержавие в XV–XVI веках выступало инициатором развития различных народовластных традиций. Со-временные исследователи подчёркивают, что русское общество XV–XVI веков представляло собой “множество самоуправляющихся (в разной степени) групп местного населения”³⁴. Московские государи, которым необходимо было создать новую систему управления своей державой, прекрасно понимали значение институтов земского самоуправления в становлении молодого тогда Российского государства. По мнению А. Г. Кузьмина, “одной из специфических особенностей заново складывавшейся системы было сближение великокняжеской власти с “Землёй”, причём “это наглядно проявилось в “брани о смердах” на Псковщине в 80-е годы XV столетия, когда в конфликте боярства города с крестьянскими общинами округа Москва заняла сторону смердов”³⁵. Иначе говоря, простые жители различных русских земель и городов могли найти защиту от собственных властных элит только у московского государя.

Но и московские государи, которые увидели в традиционных формах местного самоуправления опору своей власти, в устройении внутренних порядков “придерживались принципов консерватизма и автохтонной самодостаточности”. Ведь “сельское население – крестьянство, консервативное уже по своей сути, – осознавало, что его интересам больше отвечает “старое право”, “обычай”, а все изменения “воспринимало с оглядкой на прошлое”³⁶. Характеризуя отношение русской политической “элиты” начала XVI века к возможным реформам, В. В. Бовыкин приводит слова И. Н. Берсень-Беклемишева: “Которая земля переставляет обычи свои, и та земля недолго стоит... лучше старых обычаев держатися”³⁷.

Таким образом, новая внутривластная система Московского государства складывалась на основе **сочетания двух основных традиционных идей: идеи сильной (самодержавной) власти и идеи народовластия (земского самоуправления)**. В этом отношении для России конца XV–XVII веков характерны *два взаимосвязанных, но и противоречивых политических процесса. Один из них – укрепление самодержавной власти русских государей. Второй – развитие на основе традиционных вечевых структур новых форм земского самоуправления.*

Известно, что с конца XV века для управления отдельными волостями и уездами своего государства великий князь назначал наместников-волостелей, которые существовали (“кормились”) за счёт местных жителей. Но при этом во всех волостях и уездах сохраняются и традиционные вечевые структуры. Таким образом, укрепление московского самодержавия осуществлялось не только посредством распространения практики наместничества, но и поиском социально-политической опоры в местных вечевых (земских) традициях.

Одним из первых документов, дающих представление о сочетании наместничества с вечевыми принципами самоуправления, является “Белозерская уставная грамота 1488 года”. С одной стороны, в этой грамоте говорится о роли, правах и обязанностях волостелей и их администрации – тиунов и доводчиков. Однако при этом акцент в грамоте делается как раз на ограничении возможного произвола наместников и их администрации. Для этого центральная власть наделяет определёнными правами представителей местного самоуправления. Так, отношения с волостелями и их администрацией осуществляют представители местного земского самоуправления – “сотские”, то есть выборные люди. Кроме того, местное население имеет право возбуждать судебные иски к наместникам и их людям, а в судебных разбирательствах обязательно должны участвовать сотские и “добрые люди”, то есть опять же представители земского самоуправления: “А наместником нашим и их тиуном без сотсков и без добрых людей не судити суд”³⁸. Причём необходимо отметить несомненную параллель категории “добрые люди” с категорией “лучшие люди”, которая фиксируется в “Повести временных лет” ещё в 945 году³⁹. Иначе говоря, в русских землях продолжают сохраняться основные принципы традиционного славянского самоуправления. Таким образом, значение “Белозерской уставной грамоты 1488 года” состоит в том, что она придала древней традиции общегосударственный характер.

Эти принципы нашли своё отражение и в других документах того времени. Так, в Судебнике 1497 года вся судебная система строилась на тесном

взаимодействии княжеского суда с сотскими и “лучшими” людьми того или иного региона, при этом сотские и “лучшие люди” были выборными и имели право контролировать действия княжеских судей-наместников: “А бояром или детем боярским, за которыми кормления с судом боярским, имуть судити, а на суде у них быти дворьскому, и старосте, и лутчимь людем. А без дворского, и без старосты, и без лутчих людей суда не имати, и их тином и их людем посула от суда не имати же...”⁴⁰.

Ещё большее значение для превращения органов местного самоуправления в государственные институты имели реформы 1530–1550 годов. Начало было положено губной реформой, которая проводилась в два этапа: в конце 1530-х – 1540-х годов и в середине 1550 годов. Цель реформы – силами традиционного местного самоуправления остановить разгул “лихих людей”, которые совершали разбои и другие уголовные преступления. Само реформирование осуществлялось посредством выдачи различным городам и уездам по запросам их жителей, жаловавшихся на “лихих людей”, так называемых “губных грамот”, устанавливающих новые правила судопроизводства. В регионах, на которые распространялись действия “губных грамот”, создавались губы – округа, чаще всего совпадающие с волостью, иногда с посадом, в пределах которых рассмотрение уголовных преступлений, прежде всего, разбоев, изымалось из ведения наместников и волостелей. Для борьбы с уголовными преступлениями в каждой губе учреждалась *губная изба*, которую возглавлял *губной староста*, ему подчинялись целовальники, дьячки, рассыльщики, тюремные старосты, палачи, биричи. Должности губного старосты и целовальника были выборными, при этом губной староста выбирался из детей боярских или дворян всеми сословиями данной местности, а затем утверждался на должность в Разбойном приказе. Срок пребывания на губных должностях не был ограничен, нередко одно и то же лицо занимало должность на протяжении многих лет. Наибольшее распространение губные учреждения получили в центральных регионах России и северо-западных уездах, где преобладало владельческое (поместное и вотчинное) землевладение.

Функции губных учреждений на протяжении второй половины XVI – первой половины XVII века постоянно расширялись и постепенно включили в себя самый широкий круг обязанностей: розыск преступников, суд, сыск беглых, налоговые сборы, дозор земель, решение поместных споров, сдача внаём пашенных и сенных покосов, межевание земель. При этом местному населению дозволялось самостоятельно выявлять преступников в своём регионе и вместе с представителями центральной власти решать вопрос об их наказании. Более того, в некоторых “губных грамотах” (Белозерской, Каргопольской, Устюжской, Соль-Галицкой, Слободской, на Вятку) вообще отсутствует упоминание или напоминание о наместническом суде по разбойным делам – решение передавалось исключительно на усмотрение местного общества. Впрочем, представители местного самоуправления – старосты, сотские, десятские, “лучшие люди” – задолго до губной реформы осуществляли подобные функции, более того, возможно, какие-то местные традиции были использованы центральными властями для наименования новых органов и определения их компетенции⁴¹.

Ещё большее значение местному самоуправлению было придано в ходе реформ 1550-х годов, в которых своё воплощение в политической и государственной практике нашли “нестяжательские” идеи ближайшего окружения государя, да и самого молодого царя Ивана IV Васильевича. С одной стороны, эти реформы заметно укрепили “вертикаль” российской власти: была повышена роль дворянства в Российском государстве, созданы новая судебная система (Судебник 1550 года), новая система налогового обложения (введена “большая московская соха”) и новая единая система государственного управления – приказы. Кроме того, военная реформа (упорядочение поместного войска и создание стрелецких полков) заметно усилила русскую армию. Но одновременно Судебник 1550 года законодательно, явно с согласия самого царя Ивана Васильевича, ограничил самодержавную власть русского государя: новые законы могли приниматься государем только по “приговору” всех бояр (статья 98)⁴².

С другой стороны, в ходе реформ была установлена тесная связь верховной власти с народом. Огромную роль в этом сыграла земская реформа, узаконившая полновесную систему местного самоуправления в городах, а также

в уездах и волостях со свободным крестьянским населением⁴³. Земская реформа также осуществлялась посредством выдачи земских уставных грамот различным регионам страны (известны грамота Плесской волости Владимирского уезда, Двинская уставная грамота, уставная Важская грамота, грамота посадским людям Соли Переяславской, уставная грамота переяславским рыболовам, уставная грамота крестьянам Усецких и Заецких волостей Устюжского уезда). В соответствии с этими грамотами, в регионах с черносошным населением создавались *земские избы*, во главе которых стояли *земские старосты* (“излюбленные головы”), избравшиеся на должность на один год всеми свободными земледельцами или посадскими людьми. Кроме того, вводилась выборная должность *земского судьи*, занимавшегося разбором различных судебных дел. При земской избе находились земские целовальники, дьячок, сторожа, мирские посыльщики, рассыльщики. К работе земских изб привлекались выборные сотские, позднее – и пятидесятские. На протяжении второй половины XVI – первой половины XVII века функции земских изб постоянно расширялись: раскладка и взимание податей и различных пошлин; сбор недоимок, доставка в Москву собранных средств; поддержание порядка на территории волости или посада; сбор и распределение мирских денег; контроль за посадской землёй и актами купли-продажи; организация строительства и ремонта воеводского, земского и губного дворов; участие в сыске и др.

Исследователи отмечают, что губные и земские избы, существовавшие параллельно, нередко конкурировали друг с другом, зато центральное правительство, “находясь “над схваткой”, ...имело возможность сравнивать разные ветви местной власти, их потенциал, определить, какая из них в большей степени соответствует его представлениям о должной организации местного самоуправления”⁴⁴. Интересен и ещё один факт: практика “кормлений” чиновников за счёт местного населения, как и сам институт наместников и волостелей, несмотря на объявленную отмену и того, и другого, во многих регионах сохранялись на протяжении всей второй половины XVI века⁴⁵.

С конца 1540-х годов в России стали созываться Земские соборы, тоже специфическая русская форма взаимоотношений царя и структур земского самоуправления⁴⁶. Участниками Земских соборов были представители различных сословий российского общества: боярства, дворянства, духовенства, купечества, горожан. Изредка на соборах присутствовали представители свободного крестьянства. Интересы зависимых крестьян на соборах представляли их владельцы. На Земских соборах царь и правительство советовались с представителями сословий о самых важных вопросах: о начале или завершении войн, о введении новых налогов, об устройстве государства и т. д. Земские соборы утверждали решения царя и правительства, и, таким образом, эти решения получали поддержку населения России. С тех пор **Земские соборы стали органами сословного представительства при центральной власти в Российском государстве и продолжали ими оставаться до конца XVII века**. Земские соборы не были постоянно действующими, а созывались царём и правительством по мере необходимости, не существовало никакой правовой регламентации деятельности соборов, во всяком случае, не сохранилось никаких документов, содержащих такую регламентацию, а из источников не всегда ясно, что имеется в виду под терминами “вся Земля”, “общий совет”, “собор” и др. Однако в понимании русского народа того времени институт Земских соборов полностью соответствовал идее и практике народного представительства во власти и обладал всеми полномочиями, вплоть до утверждения или избрания нового царя. Так, на одном Земском соборе были подтверждены права наследников на царский престол (в 1584 году – Фёдора Ивановича, сына царя Ивана IV Васильевича); на трёх соборах происходило избрание новых государей (в 1598 году был избран Б. Ф. Годунов; в 1613 году – М. Ф. Романов; в 1682 году – Иван и Пётр Алексеевичи).

По мнению исследователей, в ходе реформ 1530–1550-е годов в Русском государстве система местного самоуправления сложилась как государственный институт. При этом центральная власть, “откликаясь на требования и ожидания” жителей страны, делегировала властные полномочия местным сообществам в регионы, «одновременно конституируя традиционные, устойчивые институты самоорганизации и самодеятельности этих сообществ” и формируя из этих институтов “адекватного “партнёра-соправителя”»⁴⁷.

Таким образом, была возрождена на новом уровне древняя русская политическая традиция — плодотворное сочетание сильной центральной власти с народным представительством, в том числе с развитым местным (земским) самоуправлением. В итоге, “вертикаль” власти получила значительную поддержку и опору в “горизонтали” народного участия в государственном управлении.

* * *

Система земского самоуправления, созданная в середине XVI века, с небольшими изменениями просуществовала до начала XVIII века, то есть на протяжении всей первоначальной истории Российского царства. Особую роль земское самоуправление сыграло в условиях полного разрушения государства в годы Смуты, ведь и Первое, и Второе ополчения — это результат народного творчества, когда “Земля” (то есть народ) под водительством Церкви сама встала на защиту Российского государства. На примере деятельности земского самоуправления и Земских соборов в этот период можно увидеть некоторые важнейшие черты русской традиции народовластия, истоки которого уходят в славянскую древность.

Во-первых, земские органы самоуправления берут на себя властные полномочия в том случае, когда в стране разрушается централизованная государственная власть; структуры земского самоуправления считают возможным создавать собственные вооружённые силы, руководство вооружёнными силами доверяется коллективным органам.

Земское освободительное движение зародилось и получило распространение на севере и северо-востоке России в 1608–1609 годах: во многих русских городах стали создаваться общесословные городские советы, в которые, наряду с представителями разных городских социальных групп, входили местные церковные иерархи с Освященными соборами (часто именно местные церковные владыки возглавляли созданные советы). Решения городских советов были обязательны для всех горожан, в том числе и для входивших в его состав местных воевод, действия которых строго контролировались. Затем местные власти стали самостоятельно формировать воинские рати для борьбы с отрядами Лжедмитрия II. Сначала в северо-восточных русских городах, в которых стояли крупные польско-литовские гарнизоны, возникли отряды “шишей”. В “шиши” уходили в основном крестьяне разорённых поляками русских сёл и деревень. Действовали они партизанскими методами, засадами и неожиданными набегами разоряя польские гарнизоны. Как сообщает в своём дневнике поляк Самуил Маскевич, “шиши” нападали на поляков даже днём: “Москвитяне нас стерегли, узнав через лазутчиков, что товарищи разъехались в коло и что мы стоим без стражи, они нагрянули на нас среди белого дня, частью на конях, частью на лыжах...”⁴⁸.

В итоге некоторые города, в которых городские советы взяли власть в свои руки, не только отказались присягать Лжедмитрию II, но и активно сопротивлялись посланным против них вооружённым отрядам (Новгород Великий, Коломна, Переяславль-Залесский, Нижний Новгород, Саратов, Казань, сибирские города и остроги). К примеру, когда в декабре 1608 года к Устюжне Железопольской подошёл польский отряд, горожанам, оказавшимся в этот момент без воеводы и ратных людей, пришлось создать городской совет из 20 человек, в котором посадские и служилые люди получили равное представительство, а также выбрать трёх “голов” из дворян. Вскоре в Устюжну прибыл воевода А. П. Ртищев и в боях отстоял город от осадивших его отрядов “Тушинского вора”. Однако приступить к исполнению своих обязанностей Ртищев смог лишь после утверждения его полномочий городовым советом⁴⁹.

Во-вторых, местные земские структуры проявляют стремление к созданию общерусских органов власти; субъектом политической власти выступает “Земля”, то есть народ, выразитель воли “Земли” — “Совет всей Земли”, который избирает центральное Земское правительство.

Со второй половины 1610 года, после того, как Москву заняли польско-литовские войска, а польский король Сигизмунд III отказался выполнять условия договора о признании его сына королевича Владислава на московский престол, земские власти в городах по призыву патриарха Гермогена стали

формировать земские ополченские рати, но не для обороны своих городов, а для похода на Москву. К началу 1611 года по всей стране между русскими городскими общинами возникает активная переписка, которая обеспечивала налаживание взаимодействия между отдельными земскими ратями. “К великому господину преосвященному архиепископу Вологодскому и Великопермскому, архимандритам, игуменам, протопопам, воеводам, дьякам, дворянам, детям боярским, земским старостам, целовальникам и всем посадским, служилым и жилецким людям бьют челом Нижнего Новгорода архимандриты, игумены, протопопы, попы, Освященный собор, воеводы, дьяки, дворяне, головы Литовские, немецкие, стрелецкие, казачьи, дети боярские и земские старосты, целовальники, посадские люди, иноземцы и Литва, и немцы, и стрельцы разных городов, всякие служилые и жилецкие люди, которые ныне в Нижнем Новгороде о приказе Гермогена освобождать Москву и присылке им двух грамот: от Московских людей и от тех, кто под Смоленском”, — пишут в феврале 1611 года жители Нижнего Новгорода к вологодцам⁵⁰.

На призывы нижегородцев отвечают костромичи (“съ Костромы архимандриты, и игумены, и протопопы, и попы, и князи, и дворяне, и дети боярские, и головы стрелецкие, и гости, и торговые люди, атаманы и казаки, и всякие служивые и жилецкие люди, и посадские, и уездные”), ярославцы (“изъ Ярославля архимарить, и игумены, и протопопъ, и попы, и весь освященный соборъ, и воеводы, и дьяки, и дворяне, и дети боярские, и головы и сотники стрелецкие и казачьи, и посадские старосты и целовальники, и все посадские, и всякие жилецкие люди”) и жители иных городов⁵¹.

Пермские жители свои “отписки” начинали следующими обращениями: “Великому господину Святейшему Ермогену, патриарху Московскому и всея Руси, Перми Великия игумены, и протопопы, и попы, и весь Освященный соборъ, и съ Перми жъ Велика Ивашко Чемоданов, Пятунка Филатов, и пермские посадские и уездные старосты и целовальники и все земские люди челом бьют” (март 1611 года); “Господам Василию Петровичу, Никонору Михайловичу, Степану Яковлевичу, и головам, и дворянам, и детям боярским, и сотникам стрелецким, и стрельцам, и пушкарям, и затишкам, и всяким служилым и жилецким людям Казанского государства Иван Чемоданов да Пятой Филатов и Пермской земли старосты, и целовальники, и посадские, и уездные лучшие и средние, и младшие, и всякие жилецкие люди челом бьют” (июнь 1611 года)⁵².

Как можно видеть, в переписке городов очень подробно и даже тщательно перечисляются различные социальные категории горожан, как адресатов, так и авторов послания. Более того, переписка свидетельствует о том, что составы городских советов были уже не просто всесословными, но могли включать в себя даже представителей иных государств, постоянно проживавших в том или ином городе (“иноземцы и Литва, и немцы”). Столь подробный перечень участников земского сопротивления, да ещё со ссылкой на авторитет патриарха Гермогена, обеспечивал легитимность этих обращений и серьёзность намерений участников переписки. И не случайно уже в этих грамотах, посланиях и “отписках” появляется понятие “Земля” как символ общерусского единения: “быть со всею Землёю в любви и совете, и в соединении”; “ко всей Земле”; “ото всей Земли”⁵³. Соборные органы управления различных ополченских отрядов начинают называть “Советами всей Земли”, первый такой Совет возник в Рязанском земском ополчении ещё в марте 1611 года.

В феврале 1611 года земские рати из Владимира, Нижнего Новгорода, Мурома, Ярославля, Переяславля-Залесского, Углича, Суздаля, Вологды, Галича, Костромы и Романова (Романова-Борисоглебска) двинулись к Москве. Сюда же шли отряды волжских казаков и черкасов (днепровских казаков). К началу марта 1611 года в Рязани, Серпухове и Коломне собрались основные силы земских ополчений. Князь Д. Т. Трубецкой привёл к столице остатки “тушинского” войска из Калуги, атаман И. М. Заруцкий — из Тулы. В конце марта — начале апреля сбор ратных сил под Москвой закончился. Во главе наиболее организованного Рязанского ополчения стоял Прокопий Петрович Ляпунов, который заключил соглашение с боярами из распавшегося лагеря Лжедмитрия II — Д. Т. Трубецким и И. М. Заруцким. 7 апреля 1611 года в Первом ополчении возникает центральное Земское правительство, а “начальниками” его были избраны П. П. Ляпунов, князь Д. Т. Трубецкой и И. М. Заруцкий.

В-третьих, “Совет всей Земли” и Земское правительство рассматривали свои общегосударственные властные полномочия как чрезвычайные, то есть сохраняли их за собой до созыва общерусского Земского собора, который должен избрать нового царя и восстановить традиционную форму политического устройства России.

30 июня 1611 года по требованию ратных людей и казаков в Первом ополчении был выработан знаменитый “Приговор”, оформивший сословно-представительную организацию власти и порядок управления страной в отсутствие законного государя⁵⁴. В разработке “Приговора Первого ополчения” 30 июня 1611 года приняли участие татарские царевичи, бояре, окольные и чашники, стольники и дворяне, стряпчие и жильцы, приказные люди и дети боярские, князья и мурзы, атаманы и казаки, а также служилые и дворовые люди. Особо следует отметить подписи представителей 25 городов, в том числе таких важнейших, как Ярославль, Смоленск, Нижний Новгород, Ростов, Архангельск, Вологда и др.

Центральное понятие, от имени которого оглашается “Приговор”, — “вся Земля”. Однако давно замечено, что под “Приговором” отсутствуют подписи церковных лиц, а также торговых и посадских людей, следовательно, “вся Земля”, собравшаяся летом 1611 года под Москвой, не представляла интересы всех сословий Российского государства, но интересы только тех групп, которые оказались в Первом ополчении. По мнению Л. В. Черепнина, в данном случае речь может идти о Земском соборе именно Первого ополчения, существование которого подтверждается многочисленными актами и который, собственно, и был “Советом всей Земли”⁵⁵.

Ещё одно понятие — “бояре”, — которое используется наряду с понятием “вся Земля”: “бояре и вся Земля”, “бояром и всей Земле”, “по боярскому и всей Земли приговору” и др. Под “боярами” в “Приговоре” подразумевается Земское правительство, избранное “всей Землёй”, которое должно управлять воинскими и гражданскими делами: “Земским и всяким ратным делом промышляти и расправа всякая меж всякими людьми чинити в правду, а ратным и всяким земским людям их бояр во всяких земских и в ратных делах слушати всем”⁵⁶. Во главе правительства оставались П. П. Ляпунов, И. М. Заруцкий и Д. Т. Трубецкой, но права их были ограничены, а “Земля” имела право переизбирать своих “начальников”: “Вольно... переменить и в то место избрати иных... хто будет болию к земскому делу пригодится”⁵⁷.

В составе Земского правительства создавались приказы (Земский, Поместный, Разрядный и др.), которые возглавлялись авторитетными боярами или дьяками, иначе говоря, создавался центральный административный аппарат. На местах снимались назначенные прежними властями из казаков и атаманов “приставы” и “воеводы” и ставились “дворяне добрые”, которым доверял народ. Однако власть “бояр” вновь ограничена: они не имеют права самостоятельно, без совета с “Землёй” принимать законы, приговаривать кого-то к смертной казни или отправлять в ссылку: “А строить Землю и всяким земским и ратным делом промышлять, боярам, которых избрали всею Землёю по сему всею Земли приговору. А смертною казнию без земскаго и всей Земли приговору боярам не по вине не казнити и по городам не съсылати и семьям и заговором ни кому ни кого не побивати и недружбы ни которые ни к кому не мстити. А кому до кого какое дело, и о том управе бити челом бояром и всей Земле... А хто кого убьёт без земскаго приговору и того самого казнити смертию”⁵⁸. Даже решение вопросов, связанных с новым распределением поместий, — для большинства участников Первого ополчения это были самые насущные вопросы, недаром ответы на них занимают большую часть “Приговора”, — в некоторых случаях передавалось в ведение “Земли”: “А боярам, поговоря с Землёю, вотчины давати вольно”; “дворяном и детям боярским всех городов про разоренье своё и про поместья сказывать и боярам, и всей Земле бити челом” и др.⁵⁹.

Как можно видеть, “Совет всей Земли” и “бояре” фактически взяли на себя функции и полномочия общерусского правительства. Однако в “Приговоре” ничего не говорится о форме того возможного государства, которое это правительство должно было возглавлять. Это дало возможность некоторым исследователям рассуждать о том, что “Приговор” впервые учредил в России республику: “Если же рассматривать только акт 30 июня 1611 года, то здесь налицо республиканская форма правления, причём, поскольку главную роль

играет не феодальная аристократия, а масса служилого сословия, можно говорить о зарождении феодальной демократической республики". Впрочем, тут же следует оговорка: "Эта форма правления являлась, безусловно, переходной. Приговор отразил лишь временный перевес сил на стороне дворянства. Однако при существовавшем в то время уровне развития социально-экономических отношений иной формы правления, кроме монархии, быть не могло"⁶⁰.

Думается, что в данном случае несколько преувеличено стремление русских служилых людей начала XVII века к республиканским формам государственного устройства. Как свидетельствуют источники, все русские жители оставались убеждёнными сторонниками традиционной для России самодержавной монархии, а все остальные формы государства расценивали не просто как вредные, а как откровенно еретические. Для людей того времени главная проблема заключалась только в одном: как найти "истинного" царя? Поэтому, оценивая политические предпочтения участников Первого ополчения, скорее, нужно говорить о том, что они не решились взять на себя функции *избирательного* Земского собора, видимо, понимая, что не являются представителями интересов всего российского населения. Думается, важнейшим фактором в данном случае стало отсутствие в Первом ополчении хоть сколько-то значимых архиереев Русской Церкви и других церковных деятелей, без участия которых избрание нового государя было просто нелегитимно. Следовательно, "бояре и вся Земля" Первого ополчения сознательно отложили решение вопроса об избрании нового государя до лучших времён, взяв на себя функции только *временного* общерусского правительства.

Как отмечают исследователи, во всех официальных документах "бояре и вся Земля" Первого ополчения обязательно подчёркивали временный характер своих полномочий. В частности, жалованные грамоты на вотчины и поместья в Первом ополчении опечатывали жёлтой печатью, а в тексте жалованных грамот обязательно делалась специальная приписка: "А как в Московское государство Бог даст государя и тогда велит ему на ту его вотчину по книгам и по дачам дати вотчинную жалованную грамоту за красною печатью"⁶¹.

Важно и то, что точно так же к предстоящему избранию нового государя относились и местные земские власти. Так, жители Казани, Нижнего Новгорода и Перми вместе "со всеми городами поволжскими, и с горными, и с луговыми татарами, и с луговою черемисою" осенью 1611 года единодушно решили не допустить незаконных выборов нового царя одними казаками, потому что "на Московское государство" государя можно выбрать только "**всею Землёю Российские державы**" (выделено мной. – С. П.), а если кто-то захочет избрать царя по собственному желанию, "не сослався со всею Землёю", то такого царя никто не должен признавать: "... Нам бы того государя на государство не хотеть"⁶².

Наверное, "Совет всей Земли" и Земское правительство Первого ополчения могли сыграть серьёзную роль в истории. Но между различными социальными силами, из которых состояли ополченские полки, сохранялось ещё слишком много разногласий: у бояр, помещиков, крестьян и казаков были зачастую разные интересы. К тому же, не дремали и агенты окружённых в Москве поляков. 22 июля 1611 года казаки, обиженные на П. П. Ляпунова и спровоцированные поляками, убили рязанского воеводу. После этого единое Первое ополчение фактически начало распадаться. Впрочем, как отмечают исследователи, авторитет "Совета всей Земли" Первого ополчения продолжал сохраняться на всей освобождённой от интервентов территории вплоть до 2 марта 1612 года (в этот день часть ополченцев присягнула объявившемуся в Пскове новому самозванцу – Лжедмитрию III).

Но народ не оставил надежду на объединение. В очередной раз убедившись в том, что среди бояр, воевод и казаков ещё слишком много изменников, в народе зарождается новое освободительное движение. Так возникает знаменитое Нижегородское ополчение, ставшее основой Второго земского ополчения русских городов.

Ещё осенью 1608 года в Нижнем Новгороде, как и во многих русских городах, был создан общесословный городской совет, в который, наряду с представителями разных городских социальных групп, вошли и местные церковные деятели со всем Священным собором (архимандрит нижегородского Вознесенского монастыря Иоиль, архимандрит Печерского монастыря Феодосий, спасский протопоп Савва и др.). Решения Нижегородского городского совета были обязательны для всех горожан, в том числе и для входивших

в его состав местных воевод, действия которых строго контролировались. Осенью 1611 года по призыву “выборного от всей земли человека” Кузьмы Минина в Нижнем Новгороде началось формирование ополчения, во главе которого, наряду с К. Мининым, встали князь и воевода Д. М. Пожарский, воевода И. И. Биркин и дьяк В. Юдин. Начался сбор средств и переписка с другими городами. Нижегородский городской совет отказался сотрудничать с Первым ополчением, но осенью–зимой 1611 года провёл организационную подготовку по созданию самостоятельного общеземского правительственного учреждения. В феврале 1612 года в Нижнем Новгороде начал действовать свой Нижегородский “Совет всей Земли”⁶³.

Тексты грамот, направляемых в разные города нижегородцами, свидетельствуют о самом широком представительстве различных социальных групп в Нижегородском ополчении: “На Вычегду архимаритом, и игуменом, и протопопом, и попом, и дьяконом, и всему Освещенному собору, и господам воеводе Ивану Микифоровичю и дворяном, и детем боярским, и всяким служивым людем, и земским старостам, и таможенным головам, и всяким посацким жилецким людем Дмитрией Пожарской, Иван Биркин, Василей Юдин, и дворяня и дети боярские Нижнево Новагорода, и смолянныя, и дорогобуженя, и вязмичи, (и) иных многих городов дворяня и дети боярские, и головы литовские и стрелецкие, и литва, и немцы, и земьские старосты, и таможенные головы, и все посацкие люди Нижнево Новагорода, и стрелцы, и пушкарки, и затинщики, и всякие служилые и жилецкие люди челом бьют”. Однако, как указано в грамоте, круг участников нижегородского освободительного движения был ещё более широк: “А мы, свестяся с Казан(ь)ю и с понизовыми городами и собрався со многими ратными людми, прося у Бога милости, идём на полских и на литовских людей... А ис Казани, из Свияжского и ис Чебоксар, изо всех понизовых городов к нам писали, что они идут на земскую службу все головами своими, а передовых людей ис Казани голов и з стрелцами к нам послали и будут к нам вскоре”.

Конечной целью похода на Москву было не только спасение государства от разорения и изгнание засевших в Кремле “польских и литовских людей”, но и избрание “всей Землём” нового государя: “И такую неправду и разоренье видя, все города Московского государства, сослався меж себя, утвердились на том крестным целованьем, чтоб быти нам всем, православным кристьяном, в любви и в соединение, и прежнево междоусобства не всчинати, и Московское государство от врагов наших, от полских и литовских людей, очищати неослабно до смерти своей, и грабежей и налогу православному христианству отнюдь не чинити, и своим произволом на Московское государство государя без совету всей Земли не обирати; а как всеильны(й) херувимски(й) Владыко по премножеству щедрот своих останок рода христианского помиловал и избавил бы от всеядного меча, от полских и литовских людей, и нам было, всему христоименитому народу, просити у него, преблаго(го) Бога, с воздыханием и слезами милости, чтоб нам дал на Московское государство государя благочестива, подобна прежним природным христианским государем... А как будем все понизовые и верховые города в сходе вместе, мы всею Землёю выберем на Московское государство государя, ково нам Бог даст”⁶⁴.

В конце февраля – начале марта 1612 года организованное ополченское войско, костяк которого составили совместно с нижегородцами отряды из Смоленска, Дорогобужа и Вязьмы, выступило из Нижнего Новгорода в Ярославль. Заняв Ярославль, Второе ополчение продолжило собирание земских сил. Сюда стали стягиваться со всей страны земские рати, а также отряды, ушедшие из подмосковного лагеря Первого ополчения после того, как новое его руководство присягнуло самозванцу Лжедмитрию III. В Ярославле формируется новый “Совет всей Земли”, в который нижегородцы призывают русские города прислать “изо всяких людей человека по два, и с ними совет свой отписать, за своими руками”. При “Совете всей Земли” создаются свои органы центрального административного управления – Разрядный, Поместный, Дворцовый, Монастырский приказы, Галицкая и Новгородская четь, а также Денежный двор. Одновременно из Ярославля были назначены воеводы в Устюжну, Белоозеро, Владимир, Касимов, Клин, Тверь, Кострому, Ростов, Суздаль, Переяславль, Тобольск и другие города Московского государства.

Мотивы действий нового Земского правительства достаточно полно объясняются в грамоте, посланной в Сольвычегодск “именитым людем” Строгановым

7 апреля 1612 года. Вроде бы цель этой грамоты вполне прозаична: в ней содержится просьба о финансировании “земского дела”. Однако здесь приведена развёрнутая мотивация и духовно-политическая аргументация действий Второго ополчения. Думается, не случайно эту грамоту подписали около 50 человек, среди которых были не только стольники, дворяне, дьяки, гости и “лучшие” посадские люди Ярославля, но и члены Государева двора во главе с боярами В. П. Морозовым, князем В. Т. Долгоруковым, окольниковым С. В. Головиным. Естественно, что здесь же стояли имена Д. М. Пожарского и К. Минина (правда, за него расписался сам князь Д. М. Пожарский).

И вновь участники Второго ополчения подчёркивают временный характер учреждённого ими правительства, а главной целью похода на Москву объявляют избрание нового государя: “И вам, господа, пожаловати, помня Бога и свою православную христианскую веру, советовать со всякими людьми общим советом, как бы нам в нынешнее конечное разорение быти не безгосударным; чтоб нам, по совету всего государьства, vybrати общим советом государя, кого нам милосердый Бог, по праведному своему человеколюбию, даст; чтоб во многое время, от таких находящих бед, без государя Московское государьство до конца не разорилось. Сами, господа, всё ведаете: как нам ныне без государя против общих врагов, полских и литовских и немецких людей и русских воров, которые новую кровь в государьстве всчинают, стоять? и как нам, без государя, о великих, о государственных о земьских делех со окрестными государи ссылатись? и как государьству нашему впредь стоять крепко и неподвижно?”⁶⁵. Стоит отметить, что к восстановлению истинного самодержавия призывали в своих посланиях ополченцев архимандрит Троице-Сергиева монастыря Дионисий и келарь Авраамий Палицын: “Может ли и невеликая хижица безь настоятеля утвердиться, не токмо что такому великому царству съ окрестными странами безь государя быти?” Троицкие старцы пишут о необходимости созыва “благоизбранного земского совета”, чтобы “намъ всемъ во едином совете положити о государе, кого намъ дать въ Троицы славимый Христось Богъ нашъ”⁶⁶.

Разбив разрозненные отряды Первого ополчения, рати Второго ополчения 27 июля 1612 года выступили к Москве. В этот момент в союз с руководством Второго ополчения вступил и князь Д. Т. Трубецкой, а И. Заруцкий, наоборот, ушёл в Коломну. И хотя между отрядами ополчений продолжали существовать серьёзные противоречия, всё же в августе 1612 года в решающей битве с поляками Д. Т. Трубецкой пришёл на помощь Д. М. Пожарскому. Но окончательное объединение войск Первого и Второго ополчений произошло в октябре 1612 года.

В объединившемся ополчении были воссозданы общеземские (фактически, общегосударственные) органы власти, центральное приказное управление. Было образовано своего рода *коалиционное Земское правительство* с участием “начальников” обоих лагерей. Первое ополчение представляли в нём Д. Т. Трубецкой, думный дьяк Сыдавный Васильев, дьяки И. Третьяков, Н. Новокшенов, М. Поздеев. От Второго ополчения в Земское правительство вошли князь Д. М. Пожарский, “выборный человек” К. Минин, князь Д. М. Черкасский, В. И. Бутурлин, И. И. Шереметев, И. В. Измайлов. Кстати, интересно, что новое Земское правительство ориентировалось на Швецию. Так, руководители правительства считали, что на русский престол должен взойти шведский король Карл-Филипп. И вообще, как отмечают историки, прошведская ориентация руководителей Земского правительства и ополчения сказывалась и позднее, во время работы Земского избирательного собора 1613 года. И эта прошведская позиция – показатель крайнего недоверия, которое царило в народных ополчениях к любым русским боярским группировкам. По сути дела, вожди земских ополчений были глубоко уверены в том, что избрание новым государем кого-нибудь из московских бояр приведёт лишь к углублению государственного кризиса, к “умножению вражды”, к “конечному разорению” и гибели государства. И, кстати, преодолеть это недоверие было крайне непросто. Но, как бы там ни было, совместными усилиями русские рати освободили Москву от иноземного врага – 26 октября 1612 года сдался польский гарнизон Кремля, и 27 октября отряды ополчения вступили в Москву.

В 1613–1622 годах решающую роль в жизни России играют вновь созываемые Земские соборы, которые стали практическим воплощением идеи “всей Земли” как субъекта политического действия. Более того, в этот период

Земские соборы фактически превращаются в постоянно действующие органы сословно-представительной власти. Земский собор 1613 года, избравший нового царя Михаила Фёдоровича Романова, был самым полным и многочисленным по составу – в нём принимали участие члены Освященного собора (высшее духовенство), члены Боярской думы и представители всех сословий, в числе прочих были и выборные от черносошных и дворцовых крестьянских волостей, число выборных людей достигало 800 человек, они представляли 58 городов России. Затем на протяжении нескольких лет Земские соборы своим авторитетом поддерживали власть нового царя и московского правительства. В 1614 году Земский собор посылает посольство из духовных и светских лиц уговаривать казаков отказаться от своего “воровства”. В 1614–1617 годах Земский собор занимается организацией финансового обеспечения государства: его представители ведают сбором в стране дополнительных налогов – (“пятой деньги”, “пятинны”). С 1616 года этот сбор взимался уже не представителями центральной власти, а земской властью на местах⁶⁷. Немалое значение имели и другие направления деятельности Земского собора. Так, в сентябре 1616 года собор рассматривал вопрос о заключении мира со Швецией. В 1619 году Земский собор был посвящён “устроению” и “исправлению земли” (приговор Земского собора сохранился в окружной грамоте царя Михаила Фёдоровича воеводам в Новгород от 5 июля 1619 года)⁶⁸.

Период существования постоянно действовавших Земских соборов не был продолжительным и завершился роспуском последнего из них в 1622 году. Причиной тому стала постепенная нормализация обстановки в стране, восстановление разрушенного аппарата власти, упрочение внешнеполитического положения Русского государства. В народном представлении Земские соборы как постоянные действующие органы сословного представительства выполнили свою роль – избрали нового царя и утвердили его властные полномочия. Кроме того, укрепившийся в эти годы союз царя и Церкви, которую с 1619 году возглавил патриарх Филарет, отец Михаила Фёдоровича, ещё более упрочил позиции “выборного” государя. Всё это вместе взятое позволило Российскому государству вернуться к традиционным формам управления: правительство Михаила Фёдоровича почти десять лет (до 1632 года) не созывало Земских соборов, в эти же годы ограничиваются права и компетенция Боярской Думы. В дальнейшем Земские соборы созывались по мере необходимости. Подобная ситуация была вполне благожелательно воспринята всеми российскими жителями.

Как можно видеть, в Смутное время, благодаря политической активности русского народа, очень быстро возродилась древняя вечевая традиция, которая приняла новые формы: возникли “Советы всей Земли”, сначала как местные, затем – как временные общегосударственные выборные органы власти. Земские соборы и местное земское самоуправление сыграли решающую роль в начале XVII века в спасении России от Смуты.

* * *

Первые государи из рода Романовых осознавали свою власть как самодержавную, но в середине XVII века их власть оставалась ограниченной. Таковыми ограничителями являлись Земские соборы, Боярская Дума и привилегии аристократии, самостоятельность Церкви, волокита и несовершенство приказной системы, не позволявшей в полной мере осуществить личную инициативу монарха в государственном управлении⁶⁹.

Уже говорилось, что первые Романовы достаточно осторожно относились к практике созыва Земских соборов. Так, несмотря на то, что именно благодаря решению “всей Земли” Михаил Фёдорович взойшёл, а потом и удержался на царском троне, укрепление его власти и упрочение внешнеполитического положения Русского государства позволило правительству Михаила Фёдоровича почти десять лет (1622–1632) не созывать Земские соборы. Однако многообразные сложности внутри- и внешнеполитической обстановки в середине – второй половине XVII века вынудили первых Романовых вновь обратиться к практике “советов” со “всей Землёй”, причём на многих Земских соборах решались важнейшие общегосударственные вопросы. Среди наиболее значимых: собор 1632 года – рассмотрен вопрос о сборе с населения пятинных

и запросных денег на ведение Смоленской войны; собор 1642 года – рассмотрена и отвергнута просьба донских казаков о помощи захваченному ими Азову; собор 1649 года – принято Соборное уложение; собор 1653 года – решено принять Малороссию и Запорожское войско в подданство русского царя; собор 1682 года – отменено местничество; соборы 1683–1684 годов – утверждён Вечный мир с Польшей. Как и раньше, “вся Земля” для “совета” с царём собиралась по мере необходимости. Правда, исследователи отмечают важную особенность Земских соборов второй половины XVII века: правительство отказалось от практики созыва представителей всех сословий и перешло к практике совещания с сословными комиссиями, недаром в историографии эти соборы нередко называют “соборными совещаниями”⁷⁰. После соборов начала 1680-х годов “советы” царей со “всей Землёй” прекратились.

Своеобразно первые Романовы выстраивали отношения со структурами земского самоуправления. Как отмечают исследователи, на протяжении всего XVII века в регионах продолжали функционировать, конкурировать между собой, но и дополнять друг друга три основных звена, возникших в ходе реформ середины – второй половины XVI столетия: *воеводское, губное и земское* управление. При этом должности губных и земских старост оставались выборными и не были подотчётны воеводам. Однако во второй половине XVII века в процессе усиления самодержавной власти государя деятельность посадских и уездных людей, частновладельческих крестьян на выборных должностях губных и земских старост, целовальников, дьячков, сотских, пятидесятских, десятских стала рассматриваться как “*государева мирская служба*” или “*городовая служба*”. Правительства Алексея Михайловича и Фёдора Алексеевича целенаправленно усиливали государственный контроль за деятельностью органов местного самоуправления, определяя очерёдность выборов, требуя строгого документального оформления самих выборов, вводя пошлины за занятия различных губных и земских должностей и др. “Такая политика, – отмечает Г. В. Талина, – приводила к тому, что выборные должности в местном управлении нередко рассматривались теми, кто их должен исполнять, как слишком разорительные. Итогом становились челобитные об освобождении от выборных должностей”. Одновременно разрастался круг обязанностей воевод, назначаемых правительством в тот или иной регион, финансируемых из государственной казны и подчинённых воеводам приказных палат. В результате, ко второй половине XVII века воеводы контролировали все сферы управления на местах⁷¹. Впрочем, губные и земские учреждения продолжали сохранять значительную самостоятельность вплоть до их полной ликвидации в 1702 году.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д. Старая Ладога. Древняя столица Руси. СПб, 2003. С. 76–77.

² О роли и специфике славянского вече продолжают дискуссии. См., напр.: Фроянов И. Я. Киевская Русь. Л., 1980; Минникес И. В. Основания и порядок избрания князя в русском государстве X–XIV вв. // Академический юридический журнал. 2001. № 4 (6); Лукин П. В. “Народные собрания” у восточных славян: возможности сравнительного анализа // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 3 (17). С. 5–11; Новгородика–2008. Вечевая республика в истории России. Материалы Международной научно-практической конференции 21–23 сентября 2008 г. Новгород, 2009; Толочко П. П. Власть в Древней Руси X–XIII вв. М., 2011.

³ О значении “земской власти” у славян и в истории России см.: Кузьмин А. Г. Истории России с древнейших времён до 1618 г. Кн. 1–2. М., 2004.

⁴ См. об этом в кн.: Фомин В. В. Варяги и варяжская русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005.

⁵ См.: Кузьмин А. Г. История России с древнейших времён до 1618 г. Кн. 1. Кузьмин А. Г. Начало Руси; Фомин В. В. Варяги и варяжская русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу; Фомин В. В. Начальная история Руси. М., 2008.

⁶ Подробный анализ этого материала см.: Фомин В. В. Начальная история Руси. С. 199–216.

- ⁷ В науке продолжается очередной спор: что это было за государство и как оно называлось? Суть дискуссии опять же связана со сложностью определения этнической принадлежности русов и варягов. Так, наиболее последовательные сторонники норманнской теории вообще предлагают именовать это государство Скандославией (Лихачёв Д. С. Раздумья о России. СПб, 2001. С. 35.) или Восточно-Европейской Нормандией (Скрынников Р. Г. Русь X–XVII века. СПб, 1999. С. 20–50). Впрочем, первым подобное предложение выдвинул ещё 1834 году О. И. Сенковский, который именовал Русь “Славянской Скандинавией” (Сенковский О. И. Скандинавские саги // Библиотека для чтения. Т. I. Отд. II. СПб, 1834. С. 22–27, 30–40). Некоторые исследователи, продолжающие считать хотя бы часть русов скандинавами, называют государственное образование с центром в Ладоге Русским каганатом, указывая при этом на упоминание некоего Русского каганата в западноевропейских средневековых источниках (Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д. Старая Ладога. Древняя столица Руси. С. 53–54). Впрочем, это мнение оспаривается другими специалистами, которые локализируют Русский каганат в совершенно другом регионе – в верховьях рек Северский Донец, Оскол и Дон, и связывают его не со скандинавами, а со славянами (Седов В. В. Русский каганат IX века // Отечественная история, 1998. № 4. С. 5–15) или с ираноязычными русами-аланами (Галкина Е. С. Тайны русского каганата. М., 2002).
- ⁸ Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб, 1997. С. 70–72 (далее – БЛДР).
- ⁹ Первым на это обратил внимание А. А. Шахматов. См.: Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб, 1908. С. 228, 290–299, 302–319 и др.
- ¹⁰ См. об этом: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропониимики. М., 2006. С. 14–16. Мин.
- ¹¹ Известные нам личные имена русов имеют славянские, кельтские, иранские, венето-иллирийские, чудские, балтские и др. корни и, следовательно, указывают на различное этническое происхождение членов “рода русского” (Кузьмин А. Г. Древнерусские имена и их параллели // Откуда есть пошла Русская земля. Века VI–X. Кн. 2. М., 1986. С. 639–654).
- ¹² См. об этом: Повесть временных лет // БЛДР. Т. 1. С. 96–104.
- ¹³ Повесть временных лет // БЛДР. Т. 1. С. 104–108, 120–122.
- ¹⁴ Повесть временных лет // БЛДР. Т. 1. С. 104–106.
- ¹⁵ Повесть временных лет // БЛДР. Т. 1. С. 104.
- ¹⁶ Повесть временных лет // БЛДР. Т. 1. С. 84–88.
- ¹⁷ Повесть временных лет // БЛДР. Т. 1. С. 96–104.
- ¹⁸ Повесть временных лет // БЛДР. Т. 1. С. 124.
- ¹⁹ См. об этом: Лысенко П. Ф. Города Туровской земли. Минск, 1974. С. 118; Архангелогородский летописец // ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 61; Карпов А. Ю. Владимир Святой. М., 2004. С. 381–382.
- ²⁰ Повесть временных лет // БЛДР. Т. 1. С. 168–170.
- ²¹ См. подробнее: Перевезенцев С. В., Страхов А. Б. Традиции народо-властия в русском обществе X–XIII вв. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2017. № 1. С. 9–15.
- ²² Кузьмин А. Г. История России с древнейших времён до 1618 г. Кн. 1. С. 341.
- ²³ Повесть временных лет // БЛДР. Т. 1. С. 106, 116, 176–184, 210–214, 306.
- ²⁴ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 316–318.
- ²⁵ Кузьмин А. Г. История России с древнейших времён до 1618 г. Кн. 1. М., 2003. С. 133–144.
- ²⁶ Карпов А. Ю. Андрей Боголюбский. М., 2014. С. 281–284.
- ²⁷ Галицко-Волынская летопись // БЛДР. Т. 5. СПб, 1997. С. 184.
- ²⁸ См.: Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л. 1950. С. 309–310; Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. Стб. 476.
- ²⁹ Кузьмин А. Г. История России с древнейших времён до 1618 г. Кн. 2. М., 2003. С. 61–62.
- ³⁰ Там же. С. 171.
- ³¹ См.: Янин В. Л. Расцвет и падение Русской Венеции: Великий Новгород в XIII–XV вв. // Родина. 2003. № 12. С. 9–14.

- ³² Янин В. Л. Расцвет и падение Русской Венеции: Великий Новгород в XIII–XV вв. С. 12.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Бовыкин В. В. Местное самоуправление в Русском государстве XVI в. СПб, 2012. С. 295.
- ³⁵ Кузьмин А. Г. История России с древнейших времён до 1618 г. Кн. 2. С. 177.
- ³⁶ Бовыкин В. В. Местное самоуправление в Русском государстве XVI в. С. 174.175; см. также: Каравашкин А. В. Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. М., 2000. С. 145; Полухин О. Н. Таинственный путь гражданственности: крестьянское наследие. Белгород, 2000. С. 64; Кром М. М. Хронология губной реформы и некоторые особенности административных преобразований России XVI века // Исторические записки. 2007. № 10. С. 391.
- ³⁷ Бовыкин В. В. Местное самоуправление в Русском государстве XVI в. С. 175.
- ³⁸ Наместничьи, губные и земские грамоты Московского государства / Под ред. А. И. Яковлева. М., 1909. С. 2–5.
- ³⁹ См.: Повесть временных лет // БЛДР. Т. 1. С. 104.
- ⁴⁰ Судебник 1497 года // Российское законодательство X–XX вв. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / Отв. ред. А. Д. Горский. М., 1985. С. 59.
- ⁴¹ По мнению ряда исследователей, об этом свидетельствует Псковская судная грамота 1467 года, в которой упоминались “губские старосты” и кратко был описан один из видов их “служебной деятельности”: губские старосты участвовали в процессе продажи имущества отсутствующего должника для покрытия его кредиторской задолженности перед займодавцем. См. об этом: Шумаков С. А. Губные и земские грамоты Московского государства. М., 1895. С. 15; Шумаков С. А. Новые губные и земские грамоты // Журнал Министерства народного просвещения. 1909. Ч. 23, окт. Отд. 2. С. 344; Бовыкин В. В. Местное самоуправление в Русском государстве XVI в. С. 201.
- ⁴² См.: Судебник 1550 г. // Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. С. 120.
- ⁴³ Дискуссия о содержании земской реформы и деятельности Земских соборов продолжается уже долгое время, см.: Аксаков К. С. Государство и народ. М., 2009; Самарин Ю. Ф. Православие и народность. М., 2008; Андреев И. Л. Сословно-представительные институты власти в XVI–XVII вв. // Представительная власть в России: История и современность / Под общей ред. Л. К. Слиски. М., 2004; Беляев И. Д. Земский строй на Руси. СПб, 2004; Беляев И. Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси. М., 2008; Бовыкин В. В. Местное самоуправление в русском государстве XVI в. СПб, 2012; Кузьмин А. Г. История России с древнейших времён до 1618 г. Кн. 2; Латкин В. Н. Земские соборы древней Руси, их история и организация сравнительно с западноевропейскими представительными учреждениями. СПб, 1885; Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969; Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 1999; Хомяков А. С. Всемирная задача России. М., 2011; Черепнин Л. В. Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978; Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М., 1866.
- ⁴⁴ Бовыкин В. В. Местное самоуправление в русском государстве XVI в. С. 382–383.
- ⁴⁵ Последнее упоминание о наместниках относится к 1593–1594 годам. См.: Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605). СПб, 1992. С. 244. См. также: Енин Г. П. Воеводское кормление в России в XVII веке. (Содержание населением уезда государственного органа власти). СПб, 2000. С. 16–19; Покровский Н. Н. Правительственная административная вертикаль и органы местного сибирского самоуправления // Муниципальное право. 2001. № 3. С. 60–64; Аракчеев В. А. Наместники в России XVI века // Вопросы истории. 2010. № 1. С. 16, 17.
- ⁴⁶ Необходимо отметить, что термин “Земский собор” введён в историографический оборот только в XIX веке, в источниках XVI–XVII веков используются достаточно неопределённые термины: “собор”, “вся Земля”, “Совет всей Земли”, “великая земская дума”, “общий совет” и др.
- ⁴⁷ Бовыкин В. В. Местное самоуправление в русском государстве XVI в. С. 381–382.
- ⁴⁸ Волков В. А., Кузьмин А. Г. Смутное время. М., 2012. С. 135.

- ⁴⁹ Сказание о нашествии поляков на Устюжну Железопольскую // Устюжна. Историко-литературный альманах. Вып. II. Вологда, 1993. С. 183–185.
- ⁵⁰ Отписка нижегородцев к вологжанам (февраль 1611 г.) // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою инспекциею Академии наук. Т. 2. М., 1836. № 175 (далее – ААЭ).
- ⁵¹ Отписка костромичей к вологжанам (февраль 1611 г.); Отписка ярославцев к вологжанам (февраль 1611 г.); Отписка устюжан к пермичам (23 марта 1611 г.) // ААЭ. Т. 2. М., 1836. № 178; 179, 1; 182.
- ⁵² Отписка Московскому патриарху Гермогену из Перми (13 марта 1611 г.); Отписка пермичей казанцам (23 июня 1611 г.) // ААЭ. Т. 2. СПб, 1841. № 323; 329.
- ⁵³ Отписка пермичей казанцам о готовности жить в мире и союзе с ними, содействовать к избавлению Отечества от врагов и избрать государя по совету всей Земли (18 сентября 1611 г.) // ААЭ. Т. 2. СПб, 1841. № 333.
- ⁵⁴ Приговор Первого ополчения 30 июня 1611 года // Российское законодательство X–XX вв. Т. 3: Акты Земских соборов / Отв. ред. А. Г. Маньков. М., 1985. С. 43–62.
- ⁵⁵ Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. С. 177–179.
- ⁵⁶ Приговор Первого ополчения 30 июня 1611 года // Российское законодательство X–XX вв. Т. 3. С. 44.
- ⁵⁷ Там же. С. 49.
- ⁵⁸ Приговор Первого ополчения 30 июня 1611 года // Российское законодательство X–XX вв. Т. 3. С. 49.
- ⁵⁹ Там же. С. 46–47.
- ⁶⁰ Новицкая Т. Е. Комментарий к “Приговору Первого ополчения 30 июня 1611 года” // Российское законодательство X–XX вв. Т. 3. С. 62.
- ⁶¹ Цит. по: Волков В. А., Кузьмин А. Г. Смутное время. С. 146.
- ⁶² Отписка пермичей казанцам о готовности жить в мире и союзе с ними, содействовать к избавлению Отечества от врагов и избрать государя по совету всей Земли (18 сентября 1611 г.) // ААЭ. Т. 2. СПб, 1841. № 333.
- ⁶³ См.: Волков В. А., Кузьмин А. Г. Смутное время. С. 148–153.
- ⁶⁴ Грамота из Нижнего Новгорода в Сольвычегодск о земских делах (не ранее декабря 1611 г.) // Любимиров П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 233–237.
- ⁶⁵ Грамота воеводы князя Пожарского с товарищами и всех ратных людей из Ярославля к вычегодцам (7 апреля 1612 г.) // ААЭ. Т. 2. СПб, 1836. № 203.
- ⁶⁶ Послание архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия и келаря Авраамия князю Пожарскому и всем ратным людям (апрель 1612 г.) // ААЭ. Т. 2. СПб, 1836. № 202.
- ⁶⁷ Грамота в Тотьму с изложением приговора Земского собора о сборе за 1616 год пятой деньги (18 марта 1616 г.) // Российское законодательство X–XX вв. Т. 3. С. 62.
- ⁶⁸ Окружная грамота царя Михаила Фёдоровича воеводам в Новгород (5 июля 1619 г.) // Российское законодательство X–XX вв. Т. 3. С. 67–69.
- ⁶⁹ Талина Г. В. Русская самодержавная монархия первых Романовых глазами современников и потомков // Самодержавное царство первых Романовых / Сост., авт. вст. ст., комм. Г. В. Талина; под. ред. С. В. Перевезенцева. М., 2004. С. 43–64; Талина Г. В. Выбор пути: Русское самодержавие второй половины XVII – первой четверти XVIII века. М., 2010. С. 86–207.
- ⁷⁰ Талина Г. В. Русская самодержавная монархия первых Романовых глазами современников и потомков // Самодержавное царство первых Романовых. С. 10.
- ⁷¹ Талина Г. В. Выбор пути: Русское самодержавие второй половины XVII – первой четверти XVIII века. С. 180–182.